

Дёмин Павел Евгеньевич,
кандидат филологических наук,
Рязанское гвардейское высшее
воздушно-десантное командное училище
Demin Pavel Evgenevich,
Ryazan Guards Higher Airborne Command School

**КОНТРАРГУМЕНТАЦИЯ РЕСТРИКТИВНЫХ ПОДХОДОВ
К ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В РОССИЙСКУЮ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
RESTRICTIVE APPROACHES COUNTER-ARGUMENTATION TO THE AI
INTEGRATION INTO RUSSIAN SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITY**

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование феномена масштабного вхождения технологий генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в учебную, научную, преподавательскую и иную гуманитарно-образовательную деятельность российских образовательных организаций в период с середины 2025 года. Автор проводит развернутую аналогию с историческими медийно-технологическими революциями – книгопечатанием, радиовещанием, кинематографом, телевидением, персональным компьютером, мобильной связью и сетью Интернет. Особое внимание уделено геополитическому измерению: санкционные барьеры, ограничивающие доступ российских пользователей к ИИ-технологиям, создают риск постепенного увеличения дистанции между российской и международной научной повесткой. Проанализирован феномен галлюцинаций ИИ и подчеркнута роль исследователя как субъекта верификации, обеспечивающего корректность всех положений и используемых источников. Представлена контраргументация надзорно-рестриктивной модели использования ИИ, ведущей неизбежной дифференциации обучающихся по критерию ИИ-компетентности. Обоснован подход институциональной интеграции ИИ как подраздела существующих научных дисциплин и обоснована необходимость создания нового поколения ИИ-ориентированных отраслей знания.

Abstract. The article presents a comprehensive study of the large-scale integration of generative artificial intelligence (AI) technologies into educational, research, teaching, and other forms of humanities-oriented academic activity within Russian educational institutions since mid-2025. The author develops an extended historical analogy with major media-technological revolutions, including printing, radio broadcasting, cinema, television, the personal computer, mobile communications, and the Internet. Special attention is given to the geopolitical dimension: sanctions-related barriers that restrict Russian users access to AI technologies create the risk of a gradual widening of the distance between the Russian and the international scientific agendas. The phenomenon of AI hallucinations is analyzed, and the role of the researcher as a verification agent responsible for ensuring the accuracy of all claims and cited sources is emphasized. Counter-argumentation of the supervisory-restrictive model of AI use is presented, which will lead to the inevitable differentiation of learners based on AI competence criteria. The article advances the concept of institutional integration of AI as a subfield within every scientific discipline and substantiates the need to develop a new generation of AI-oriented branches of knowledge.

Ключевые слова: ИИ-лингвистика, лингвистика нейросетей, искусственный интеллект, нейронные сети, научная дисциплина, автоматизация исследований, цифровая грамотность.

Keywords: AI Linguistics, neural network linguistics, artificial intelligence, neural networks, scientific discipline, research automation, digital literacy.

Введение

В середине 2025 года в российской научно-образовательной сфере произошел качественный перелом: технологии генеративного искусственного интеллекта из предмета академических дискуссий превратились в разной мере в повседневный рабочий инструмент всех категорий российских обучающихся, молодых ученых, соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук, профессорско-преподавательского состава. Сейчас данный процесс развивается независимо от наличия или отсутствия институционального разрешения, он опережает нормативно-правовую базу и ставит профессиональное сообщество сферы науки и образования перед императивом незамедлительного концептуального ответа [1; 2].

Статья объединяет несколько взаимосвязанных проблемных узлов:

а) историческую закономерность институционального сопротивления технологическим инновациям; б) специфику геополитического давления, ограничивающего доступ российских пользователей к ИИ-инструментам; в) проблему установления факта использования ИИ-генерируемого контента и поиска способов его эффективной верификации; г) бесперспективность надзорно-рестриктивной педагогической модели; д) концепцию ИИ как когнитивного ассистента; и наконец, е) позитивную программу: интеграцию ИИ в структуру научно-образовательного знания через создание новых дисциплинарных полей.

Актуальность исследования заключается в реалиях стремительного и фактически неконтролируемого распространения генеративных ИИ-технологий в российской научно-образовательной среде с середины 2025 года создавших ситуацию, в которой практика значительно опережает нормативно-правовое, методологическое и педагогическое осмысление происходящих метаморфоз. На фоне санкционных ограничений, затрудняющих доступ российских пользователей к ведущим ИИ-платформам, формируется риск нарастающего научно-технологического разрыва между Россией и глобальным научным сообществом. Одновременно усиливаются противоречия между массовым использованием искусственного интеллекта обучающимися и отсутствием институциональных механизмов его легитимной интеграции в образовательный процесс. В этих условиях возрастает потребность в системном теоретическом анализе роли ИИ в образовании, верификационных рисков, педагогических последствий и возможных моделей регулирования.

Научная проблема состоит в отсутствии научно обоснованного подхода, который позволил бы перейти от фрагментарных запретов и реактивных мер к системной интеграции ИИ в российскую научно-образовательную экосистему.

Цель работы заключается прежде всего в постановке озвученной научной проблемы и в формулировании концептуальных оснований, требующих перехода от контрольно-ограничительной к интеграционной модели регулирования ИИ в российской научно-образовательной сфере и, во вторую очередь, в обозначении методологических предпосылок для последующего формирования ИИ-ориентированных дисциплинарных направлений.

В отечественной науке данная проблематика фактически не получила системного теоретического осмысления, что позволяет говорить о ее минимальной – близкой к нулевой – степени разработанности.

Методологическую основу данного исследования составляет комплекс взаимодополняющих подходов: историко-компаративный анализ – для выявления закономерностей институциональной реакции на технологические инновации на протяжении XV–XXI вв.; системный подход – для рассмотрения ИИ-технологий в контексте целостной научно-образовательной экосистемы; нормативно-правовой анализ – для исследования действующей регуляторной базы в России и за рубежом; геополитический анализ – для оценки

влияния санкционных ограничений на технологический паритет в науке; компетентностный подход – для концептуализации ИИ-грамотности и верификационной компетенции.

Эмпирическую базу составили: нормативно-правовые документы в сфере образования и науки (включая требования ВАК и ФГОС); аналитические доклады международных и российских организаций (UNESCO, НИУ ВШЭ); научные публикации, индексируемые в РИНЦ, Scopus и Web of Science за 2020-2026 годы; исследования, обобщающие данные мониторингов использования ИИ в российских вузах; открытые данные о доступности ИИ-сервисов в условиях санкционных ограничений; материалы профессиональной дискуссии в специализированных периодических изданиях.

Основная часть

1. Исторические параллели: устойчивый паттерн технологической легитимации

История цивилизации последовательно демонстрирует устойчивую логику: каждая качественно новая информационная технология проходит через цикл «изобретение → тревожная реакция → ограничения → стихийное освоение → легитимация → тотальная интеграция». В настоящем разделе системно рассматривается описанный цикл применительно к ряду технологий, принципиально изменивших образование и науку. Как показывают исследования Э. Эйзенштейн и М. Кастельса, подробно анализирующие институциональные реакции на медиатехнологические инновации и их последующую нормализацию, историческая динамика внедрения новых информационных технологий действительно включает повторяющиеся фазы первоначального сопротивления, нормативных ограничений и последующей интеграции в повседневные, нередко вынужденные и даже обязательные практики [3; 4].

Диахронные срезы исторических инноваций компактно представлены в таблице 1.

1.1 Книгопечатание (XV-XVI вв.)

Изобретение подвижного металлического шрифта в 1440 году первоначально вызвало острую охранительную реакцию институтов: цензура, системы предварительного одобрения (“Imprimatur”), запрет ряда изданий [5]. Показательно, что именно территории с наименее жесткими ограничениями – протестантские германские земли, Нидерланды – демонстрировали опережающий научный рост в XVI-XVII вв [6]. Урок очевиден: запрет информационной технологии не устраняет потребность в ней, но создает конкурентный проигрыш для тех, кто его соблюдает.

1.2 Радио, кинематограф, телевидение (1920-1960-е гг.)

Приход радиовещания и кинематографа сопровождался педагогическими опасениями «пассивизации» аудитории, вытеснения чтения, нравственных рисков [7; 8]. Телевидение в 1950–60-е годы порождало тревогу об «отупении» зрителей. Ни одна из этих опасностей не материализовалась в предсказанном масштабе. Все три технологии стали нормативными, в том числе в качестве образовательных инструментов.

1.3 Калькулятор и персональный компьютер (1970-1990-е гг.)

Запрет калькуляторов на экзаменах – сегодня вызывающий улыбку исторический анекдот – в свое время отстаивался с той же непреклонностью, с которой сейчас запрещают ИИ [9]. Со временем этот опыт оказался маргинализирован в профессиональном дискурсе: в соответствии с логикой «спирали молчания» он либо не артикулируется, либо упоминается лишь фрагментарно, что приводит к его фактическому выпадению из коллективной памяти, создавая эффект частичного «исторического забвения».

Аналогичная картина складывалась на фоне массового появления персональных компьютеров, что вызывало опасения, удивительно созвучные сегодняшним: студенты перестанут «считать в уме», утратят ручное письмо.

На практике компьютерная грамотность стала ключевой компетенцией. Те, кто освоил компьютер вопреки запретам, получили значительное карьерное преимущество и сформировали технологическую элиту следующего десятилетия [10].

1.4. Мобильный телефон и Интернет (2000–2010-е гг.)

Запрет мобильных телефонов в аудиториях и жесткие интернет-фильтры 2000-х казались абсолютно оправданными [11]. Сегодня эти же инструменты активно рекомендуются в педагогике. Цикл завершился – предполагаем, что очень скоро он завершится применительно к ИИ. Обидно, что это будет не только вопрос времени, но и цены упущенных возможностей.

Таблица 1.

1.5. Сравнительная таблица технологических революций в образовании

Технология / эпоха	Первоначальная реакция → итог интеграции
Книгопечатание (XV в.)	Цензура, <i>imprimatur</i> → обязательный учебник, научная монография
Радио (1920-30-е гг.)	Запрет «механистического обучения» → учебное радио
Кинематограф / ТВ (1940-60-е гг.)	Нравственная паника → учебное кино, образовательное телевидение
Калькулятор (1970-80-е гг.)	Запрет на экзаменах → разрешен повсеместно, включен в стандарты
Персональный компьютер (1980-90-е гг.)	«Дети разучатся думать» → обязательная информатика в школе и многое другое
Интернет (1990-2000-е гг.)	Фильтры, ограничения → цифровая дидактика, e-learning и многое другое
Мобильный телефон (2000-10-е гг.)	Запрет в классах → m-learning, образовательные приложения
Генеративный ИИ (с 2022-2024 гг.)	Запреты, детекторы → идет процесс изучения и интеграция, профессорско-преподавательский состав осуществляют подготовку к учебным занятиям с помощью нейросетей, генерируют презентации и многое др.

Таблица наглядно свидетельствует: ни одна из технологий, последовательно запрещавшихся в образовании, не была остановлена запретом. Каждый раз победа оставалась за теми, кто осваивал технологию первым – вне зависимости от наличия официального разрешения административных органов образования.

2. Феномен «технологической паники» и разрыв поколений

Понятие «технологической паники», восходящее к социологической концепции «моральной паники» С. Коэна, описывает институционально транслируемую реакцию на новую технологию, при которой гипертрофируются риски и игнорируются выгоды [12]. Применительно к ИИ данный феномен принимает несколько форм: академический тревожный дискурс об угрозе самостоятельному мышлению; нормативное опережение, когда запреты формулируются прежде, чем накоплено понимание природы технологии; и – наиболее значимое – поколенческий разрыв.

Поколение ученых и педагогов, формировавшихся профессионально до появления генеративного ИИ, объективно лишено возможности оценить этот инструмент из позиции собственного опыта. Это порождает когнитивную предвзятость: склонность воспринимать традиционный «кустарный труд» как самоценность, а не как исторически обусловленный способ достижения результата [13]. Между тем научная состоятельность не определяется отказом от инструментов – она определяется качеством интеллектуального результата. Именно осознание этой диспропорции – тихое, но действенное – и движет студентами, которые уже сегодня активно используют ИИ вне зависимости от официальной позиции своих институтов.

3. Искусственный интеллект как когнитивный ассистент: зачем усложнять рабочий процесс там, где есть инструмент?

Центральный тезис настоящей статьи: искусственный интеллект представляет собой когнитивного ассистента – инструмент расширения познавательных возможностей человека, принципиально однородный по функции с инструментами, давно интегрированными в практику.

Калькулятор освободил ученого от вычислительной рутины, не уменьшив требований к математическому мышлению. Автомобиль, стиральная машина, робот-пылесос и другое высвободили время для интеллектуальной и иной деятельности. Электронный переводчик изменил работу с иноязычными источниками. Компрессор воздуха стал работать вместо легких человека. Поисковые системы в сети Интернет трансформировали библиографический поиск. Ни один из этих инструментов не подвергается сегодня академической цензуре. ИИ продолжает и радикализует ту же логику: он берет на себя первичный литературный синтез, структурирование аргументации, генерацию концептуальных альтернатив – оставляя исследователю интеллектуальное авторство и научную ответственность за правомерность осуществляемых действий.

Встает принципиальный вопрос: почему человек, стремящийся принести пользу обществу своими научными открытиями, должен проводить ночи с блокнотом и ручкой там, где существует инструмент, позволяющий сделать то же самое быстро, полно, качественно и системно? Ответ, сводящийся к «потому что так было принято», не является научным аргументом. Научная работа существует не ради демонстрации аскетизма метода – она существует ради научного результата, полезного для общества. При помощи ИИ исследователи становятся эффективнее, охватывают более широкий круг задач, производят больше верифицированного знания в единицу времени – а это есть прямое продолжение многовековой логики технологического прогресса человечества.

4. Проблема галлюцинаций (аллюцинаций) ИИ и компетенция верификации

Одним из наиболее весомых научных аргументов против применения ИИ в академической работе является проблема галлюцинаций – генерации правдоподобных, но фактически недостоверных утверждений, несуществующих библиографических ссылок, искаженных данных. Данная проблема реальна, и ее оценка не должна преуменьшаться. Термин «машинная галлюцинация» используется в компьютерных науках с 1980-х годов (первое документированное употребление – в диссертации E. Mjolsness, 1986); в современном значении «галлюцинация ИИ» (генерация фактологически недостоверного контента) получил широкое распространение после 2022 года [14].

Вместе с тем она является не основанием для запрета технологии, а основанием для формирования компетенции верификации. Не подлежит никакой дискуссии, что **квалифицированная работа с ИИ предполагает обязательную и тщательную проверку автором каждого сгенерированного утверждения!** Исследователь должен лично убедиться в действительном существовании каждого цитируемого источника, в соответствии его

содержания приводимому тезису, в корректности выходных данных – авторов, года, DOI, страниц и др. Именно это отличает ответственного пользователя ИИ от безответственного: не отказ от инструмента, а дисциплина верификации [15].

Аналогия точна: рецензент научного журнала проверяет тезисы, не создавая статью заново. Научный руководитель несет ответственность за корректность экспериментов, не повторяя их вручную. Исследователь, использующий ИИ с полноценной верификацией, принимает на себя ту же роль ответственного верификатора и интерпретатора. Это интеллектуально насыщенная деятельность – и именно верификационная компетенция должна стать предметом целенаправленной подготовки в системе высшего образования [16].

5. Бесперспективность надзорно-ограничительной модели

5.1. Технологическая невозможность гарантированного выявления текста, сгенерированного ИИ (нейросетями)

Детекторы ИИ-генерированного текста демонстрируют растущее число ложноположительных и ложноотрицательных срабатываний. Параллельно развивается рынок «постпроцессинговых» инструментов – так называемых «очеловечивателей» текста, приводящих ИИ-генерированный материал к форме, неотличимой от рукописного при существующих методах автоматической проверки [17; 18]. Технологическая гонка между детекторами и обходными инструментами принципиально не выигрывается надзирающей стороной при достаточной мотивации и смекалки студента. Это не гипотеза – это наблюдаемая реальность уже сегодня.

5.2. Институциональные издержки надзора

Организация эффективного контроля в условиях массового образования потребовала бы ресурсов, несоизмеримых каким-либо педагогическим выгодам. Профессорско-преподавательский состав, вынужденный тратить значительное время и эмоциональные ресурсы на идентификацию ИИ-контента, может неизбежно переориентироваться с содержательной педагогической и научной деятельности на полицейские функции. Это прямой путь к эрозии качества самого педагогического процесса.

5.3. Педагогическая дифференциация по ИИ-компетентности

Студенты, правильно интегрировавшие ИИ-инструменты в учебно-научную работу, получают объективное преимущество: больший объем обработанной литературы, более структурированные тексты, более широкий охват задач. В долгосрочной перспективе это трансформируется в устойчивое академическое и профессиональное преимущество. Студенты, лишенные доступа к ИИ (вынужденно или добровольно), оказываются в менее конкурентной позиции – и эта диспропорция будет нарастать по мере совершенствования технологии.

Запрет ИИ в образовании парадоксальным образом усугубляет неравенство: студенты с более высокой технологической осведомленностью, доступом к ресурсам, активно развиваемыми знаниями языковых стратегий промпт-инжиниринга и вайб-кодинга, а также обладающие превосходными навыками «ретушевания» в своих трудах цифровых следов получают скрытое преимущество, тогда как добросовестно соблюдающие запрет оказываются в проигрыше. Это прямо противоположно декларируемым целям академической справедливости.

6. Геополитическое измерение: санкции, доступность ИИ, научный разрыв, декларирование ИИ-контента

Проблема применения ИИ в российской науке не может быть адекватно осмыслена вне геополитического контекста, сложившегося после 2022 года. Санкционное давление создало принципиально асимметричную ситуацию в доступе к ИИ-технологиям для российских пользователей по сравнению с коллегами из технологически развитых стран [19].

Практическая картина такова: ведущие коммерческие ИИ-системы требуют платной подписки в иностранной валюте, оплата которой технически затруднена в условиях ограничений на международные финансовые транзакции. Использование VPN последовательно блокируется в рамках политики регулирования интернет-трафика. Отечественные ИИ-решения сегодня объективно уступают по ряду возможностей зарубежным аналогам применительно к задачам научного синтеза.

В то время как американский или британский аспирант имеет свободный и недорогой доступ к полному спектру ИИ-инструментов, российский коллега сталкивается с технологическими и финансовыми барьерами – и одновременно с институциональными запретами внутри собственного университета.

Это двойное ограничение – внешнее, создаваемое геополитическими обстоятельствами, и внутреннее, самостоятельно вводимое отечественными институтами, – неизбежно приведет к нарастанию разрыва в скорости производства научных результатов [19]. Данная ситуация ставит вопрос ребром: когда весь технологичный мир работает с ИИ без ограничений, а российская наука связывает себе руки изнутри – кто от этого выигрывает?

Все же, эффективная государственная научно-технологическая политика предполагает обеспечение широкого, льготного и по возможности бесплатного доступа к отечественным ИИ-платформам для всех участников научно-образовательного процесса, в связи с этим в качестве базового инструментария могут быть рекомендованы следующие российские текстовые LLM сервисы и образовательные платформы GigaChat, YandexGPT, Chad AI, Wordium, Study AI, Study24 – каждый из которых обладает локализацией данных на территории РФ, отсутствием санкционных рисков и бесплатным базовым функционалом.

Добавим, что для научных публикаций представляется целесообразным декларирование ИИ-ассистирования в качестве нормативно-правового изменения библиографической практики, обеспечивающего прозрачность исследовательского процесса: указание конкретных ИИ-инструментов, версий моделей, дат генерации и характера вклада (текст, код, визуализация, анализ данных). При этом соответствующие сведения можно было бы включать и в методологический раздел научной статьи. Вместе с тем следует учитывать, что сохранение внутренних институциональных запретов, препятствующих открытому декларированию, может вступать в противоречие со стратегическими задачами технологического развития.

7. Научная продуктивность и ценность ИИ-ассистированных трудов

Тезис о том, что «написанное ИИ» не является подлинным научным трудом, нуждается в концептуальном разборе. В соответствии с действующими нормативными требованиями ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 «О порядке присуждения ученых степеней»), критерием научной ценности публикации выступает содержание: новизна постановки проблемы, корректность методологии, обоснованность выводов, вклад в корпус знаний [20]. С этой точки зрения методологически состоятельная статья, созданная при интенсивном взаимодействии с ИИ и прошедшая полноценную авторскую верификацию, обладает не меньшей ценностью, чем аналогичная статья без ИИ-вмешательства. При этом она создается существенно быстрее – что в условиях конкурентной международной среды приобретает стратегическое значение. Скорость производства верифицированного научного знания есть стратегический ресурс нации.

8. Концепция институциональной интеграции ИИ: новые научные дисциплины

Наиболее конструктивным ответом на вызовы ИИ-революции является не запрет и не пассивная адаптация, а активная институциональная интеграция: включение ИИ не только как методологического инструментария, но и в качестве субраздела в некоторые научные

дисциплины, а также создание нового поколения ИИ-ориентированных отраслей знания. Автор статьи предлагает следующую классификацию возможных направлений.

8.1. Фундаментальные ИИ-дисциплины

Философия искусственного интеллекта – дисциплина, исследующая онтологические, эпистемологические и этические основания ИИ: природу машинного познания, проблему сознания и субъектности, ответственности и морального статуса автономных систем.

Высшая математика искусственного интеллекта – систематическая теория, объединяющая линейную алгебру, теорию вероятностей, оптимизацию и теорию информации применительно к задачам машинного обучения и нейронных архитектур. Основы нейронных сетей и глубокого обучения – базовый курс для студентов всех технических и естественнонаучных специальностей.

8.2. Прикладные ИИ-дисциплины

Нейросетевое программирование (вайб-кодинг) – новая практическая дисциплина, описывающая парадигму разработки программного обеспечения при активном соавторстве с ИИ-системами генерации кода. Концепция вайб-кодинга, оформившаяся в 2025 году, предполагает, что разработчик формулирует намерение на естественном языке, а ИИ генерирует и итерирует код, тогда как человек выступает архитектором и верификатором. Это принципиально меняет профиль компетенций программиста.

Прикладной искусственный интеллект – мультидисциплинарная область, обеспечивающая прагматические компетенции обучающихся в применении ИИ-инструментов в профессиональных контекстах.

8.3. Гуманитарные ИИ-дисциплины

Лингвистика искусственного интеллекта (AI Linguistics, ИИ-лингвистика) – дисциплина на пересечении теоретической лингвистики и вычислительных наук, исследующая языковое поведение больших языковых моделей, специфику «ИИ-понимания» семантики и прагматики, принципы инжиниринга промптов, проблемы комплементарности процесса перевода и межкультурной коммуникации в ИИ-системах [21].

Вычислительное искусствоведение – новая область, исследующая эстетические, семиотические и культурологические характеристики произведений, созданных ИИ или при его участии; проблемы авторства, оригинальности и художественной ценности в постцифровую эпоху.

Генеративное литературоведение – дисциплина, изучающая нарративные и стилистические особенности ИИ-текстов и практику совместного литературного творчества человека и ИИ.

8.4. Отраслевые ИИ-дисциплины

Экономика автономных агентств – перспективная наука о трансформации рыночных отношений в условиях участия искусственных субъектов: изучает взаимодействие человеческих и алгоритмических агентов, автоматизированное ценообразование, экономику доверия к машинным решениям и регуляторные модели налогообложения цифровых субъектов.

В отличие от традиционной экономической теории, данная дисциплина рассматривает ИИ не как инструмент, а как независимого участника рыночных сделок.

Клиническая когнитивистика – междисциплинарная область на стыке медицины, информатики и искусственного интеллекта, исследующая процессы принятия клинических решений в системе «врач–ИИ–пациент». Дисциплина фокусируется на предиктивной диагностике, персонализированных траекториях лечения на основе анализа больших данных и этических границах делегирования медицинских полномочий алгоритмам. Ключевой объект

изучения – не болезнь, а когнитивный контур диагностики, где ИИ выступает вторым независимым экспертом.

Юриспруденция цифровых субъектностей – гипотетически потенциальная отрасль права, изучающая правовое положение автономных систем, алгоритмическую ответственность и цифровые права личности. Дисциплина охватывает вопросы авторства ИИ-генераций, ответственности за решения, принятые автономными алгоритмами, и криминалистику цифровых следов в условиях, когда преступление может быть совершено без прямого участия человека. Здесь формируется нормативная база для эпохи постчеловеческого права.

Инженерия доверия к искусственному интеллекту – прикладная междисциплинарная область, разрабатывающая методы формирования, измерения и поддержания доверия между человеком и автономными системами. Включает протоколы верификации ИИ-решений, стандарты объяснимости, механизмы этической безопасности и когнитивной эргономики взаимодействия. Ключевая задача – создание технологических и социальных гарантий того, что ИИ-ассистент действует в интересах человека и не генерирует критических ошибок.

9. Нормативно-правовые рекомендации

Международный опыт демонстрирует последовательный переход от запретов к политикам допустимого использования: Оксфорд, Стэнфорд, MIT, НТУ Сингапура в 2023-2025 годах разработали детальные регуляторные рамки, основанные на прозрачности и компетентностном подходе [22]. Ориентиром может послужить принципиальная позиция ЮНЕСКО: «ИИ должен регулироваться, но не запрещаться» [23].

Для российской системы науки и образования на уровне государственной политики представляется целесообразным формирование комплексной стратегии, включающей: разработку Министерством науки и высшего образования Российской Федерации дорожной карты интеграции ИИ-технологий; актуализацию требований ВАК в части декларирования ИИ-ассистирования; включение ИИ-грамотности в перечень обязательных компетенций ФГОС всех направлений подготовки.

На уровне образовательных организаций видится введение обязательных курсов по ИИ-грамотности и методологии верификации; разработка внутренних политик применения ИИ, ориентированных на прозрачность; методическая поддержка ППС в освоении технологий. На уровне научного сообщества: стандартизированные форматы декларирования ИИ-ассистирования в публикациях; этические кодексы ответственного применения; создание специализированных журналов по ИИ-ориентированным исследованиям.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов, имеющих значение как для научной дискуссии, так и для государственной образовательной политики.

Во-первых, появление и распространение технологий генеративного ИИ воспроизводит хорошо изученный исторический паттерн: от революционного инструмента через институциональное сопротивление к неизбежной легитимации. Исторический опыт не оставляет сомнений в исходе – вопрос лишь в цене упущенных возможностей.

Во-вторых, рестриктивная модель, связанная с ограничениями в использовании ИИ в образовании и науке, несет множественные системные риски: конкурентный проигрыш исследователей, формирование культуры скрытого использования, дополнительная нагрузка на ППС, связанная с формальным контролем, нарастание различий в академической продуктивности студентов в зависимости от глубины использования ИИ. Технологическая гонка с «очеловечивателями» текста (примером может послужить функция AI humanizer на платформе Aithor) принципиально не выигрывается надзирающей стороной. В этом контексте состязания в формате «студент vs. преподаватель» принципиально не имеют завершения,

поскольку темпы совершенствования ИИ-технологий опережают любые надзорные механизмы, делая их неизбежно запаздывающими.

В-третьих, геополитический контекст – ограниченный доступ российских пользователей к мировым ИИ-системам при отсутствии самоограничений за рубежом – делает внутренние запреты особенно нецелесообразными для развития отечественной науки.

В-четвёртых, проблема галлюцинаций ИИ, несмотря на свою объективную реальность, нивелируется посредством формирования верификационной компетенции человека. Персональная проверка исследователем каждого сгенерированного утверждения и библиографической ссылки представляет собой интеллектуально насыщенную и исключительно трудоёмкую деятельность, а не формальную процедуру.

В-пятых, ИИ следует концептуализировать как когнитивного ассистента, вписывающегося в многовековую эстафету преодоления естественных ограничений человека. Применение ИИ интенсифицирует исследовательский труд, позволяет охватить более широкий круг задач и увеличивает производство знания в единицу времени. Тенденция заставить молодого ученого «высекать искру кремнем», когда у него под рукой есть зажигалка выглядит, мягко говоря, архаизмом, не имеющим научного оправдания.

И, наконец, в-шестых, позитивная повестка требует не просто легализации, но активной институциональной интеграции: создания новых дисциплин, включения ИИ-специализаций и разделов в каждую существующую науку, формирования государственной стратегии ИИ-образования.

Развитие человеческого познания – процесс, который не может и не должен быть заторможен институциональными механизмами, порожденными историческим лагом восприятия технологий. Российская наука располагает значительным человеческим потенциалом, и наша цель – не связывать руки тем, кто готов работать быстро, ответственно и результативно, а максимально вооружить этот потенциал лучшими из доступных инструментов.

Список литературы:

1. Мухлаева Т. В. Генеративный искусственный интеллект: трансформации в образовании, перспективы и динамика // ЧиО. 2025. №2 (83). С. 142–153.
2. Жуков А. Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник МГУКИ. 2023. №5 (115). С. 66–75.
3. Эйзенштейн Э. Печатный станок как агент перемен: пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 672 с.
4. Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Wiley-Blackwell, 2010. 656 p.
5. Февр Л., Мартен А.-Ж. Появление книги: пер. с фр. М.: Прогресс, 1977 (1958). 600 с.
6. Mokyr J. A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy. Princeton: Princeton UP, 2017. 384 p.
7. Cuban L. Teachers and Machines: The Classroom Use of Technology since 1920. New York: Teachers College Press, 1986. 137 p.
8. Свистунов В. Н. Радиофикация советской школы в 1920–30-е годы // История образования. 2019. № 3. С. 45–62.
9. Papert S. Mindstorms: Children, Computers, and Powerful Ideas. New York: Basic Books, 1980. 230 p.
10. Коваль Т. В., Суворова О. В. «Цифровые пионеры»: профессиональные траектории ранних адоптеров // Психология образования. 2023. № 4. С. 28–41.
11. Педагогика цифрового общества / под ред. В. В. Рубцова. М.: МГППУ, 2021. 312 с.
12. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics. London: MacGibbon and Kee, 1972. 224 p.

13. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9, № 5. P. 1–6.
14. Alkaiissi H., McFarlane S. I. Artificial Hallucinations in ChatGPT // *Cureus*. 2023. Vol. 15, № 2. e35179. DOI: 10.7759/cureus.35179.
15. Дерябин М. Л., Маркова Т. Б. Авторство и академическая честность в эпоху генеративного ИИ // *Высшее образование в России*. 2024. Т. 33, № 5. С. 22–37.
16. Коломиец О. М. Верификация как педагогическая компетенция в условиях ИИ-ассистирования // *Педагогическое образование и наука*. 2025. № 2. С. 14–26.
17. Weber-Wulff D. et al. Testing of Detection Tools for AI-Generated Text // *International Journal of Educational Integrity*. 2023. Vol. 19. P. 26.
18. Gao C. A. et al. Comparing Scientific Abstracts Generated by ChatGPT to Real Abstracts with Detectors // *npj Digital Medicine*. 2023. Vol. 6. P. 75.
19. Коновалов А. В., Рябов П. О. Цифровой суверенитет и санкционное давление // *Инновации*. 2024. № 4. С. 5–15.
20. О порядке присуждения ученых степеней: Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (ред. от 20.09.2024) // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 39. Ст. 4884.
21. Демин, П. Е. Лингвистика искусственного интеллекта (ии-лингвистика): контуры эмерджентной дисциплины цифровой эпохи / П. Е. Демин // *Флагман науки*. – 2026. – № 1 (36). – С. 406-413.
22. Chan C. K. Y. A Comprehensive AI Policy Education Framework // *Int. Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2023. Vol. 20. P. 38.
23. UNESCO. *Guidance for Generative AI in Education and Research*. Paris: UNESCO, 2023. 66 p.

